

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ – КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ, написанные по всем законам жанра:

В моей руке – гибель	ДНК неземной любви
Звезда на одну роль	Душа-потемки
Венчание со страхом	Тот, кто придет за тобой
Прощание с кошмаром	Демоны без ангелов
Темный инстинкт	Валькирия в черном
Все оттенки черного	Когда боги закрывают глаза
Зеркало для невидимки	Девять воплощений кошки
Врата ночи	Яд-шоколад
На randevу с тенью	Невеста вечности
Улыбка химеры	Колесница времени
Готическая коллекция	Падший ангел за левым плечом
Ключ от миража	Призрак Безымянного переуллка
29 отравленных принцев	Пейзаж с чудовищем
Флердоранж – аромат траура	Грехи и мифы Патриарших прудов
Молчание сфинкса	Созвездие Хаоса
Родео для прекрасных дам	Часы, идущие назад
Дамоклов меч над звездным тронном	Светлый путь в никуда
Рейтинг темного божества	Умру вместе с тобой
Прощай, Византия!	Циклоп и нимфа
Сон над бездной	Последняя истина, последняя страсть
Царство Флоры	Перекресток трех дорог
Предсказание – End	Имеющий уши, да услышит
Драконы ночи	Великая иллюзия
Black & Red	Коридор затмений
Пир на закате солнца	Мойры сплели свои нити
Три богини судьбы	Корень зла среди трав

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

В моей руке - гибель

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства *Ольги Рубис*»

С79 **Степанова, Татьяна Юрьевна.**

В моей руке — гибель / Татьяна Степанова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-198257-7

Жуткие события происходят неподалеку от Москвы: одно за другим находят мертвые тела людей, чудовищно изувеченные, просто растерзанные. И местные жители жалуются, что стали пропадать домашние животные, а еще кто-то зверски убивает собак... Ползут слухи об оборотне, человеке-звере. Начальник «убойного отдела» Подмосковья Никита Колосов с самого начала подозревает, что появился новый жестокий маньяк, убийца-серийник. Журналистка Катя почти что согласна с ним, но ее мучают ужасные сомнения. Она догадывается, где искать маньяка, но ей страшно поверить своим догадкам...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198257-7

© Степанова Т. Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Пролог

По ночному разбитому весенними дождями проселку тащилась старая облупленная «Волга», из тех, что доживают свой век в источенных ржавчиной гаражах. На крыше — багажник, а на нем — доски и картонки. В салоне — узлы, тюки и прочий дачный скарб. За рулем — старик в очках, суконной кепке и со слуховым аппаратом. Рядом на сиденье — по всему видно — его спутница жизни в теплой кофте и по-комсомольски повязанной цветной косынке, прикрывающей жидкий перманент. Мотор «Волги» натужно хрипел, словно поднимал машину на крутую гору и никак не мог одолеть подъем.

— Нет, так не пойдет. Я все же взгляну, что там, — старичок затормозил и решительно полез из машины. — Может, масло подтекает? А то ведь не доедем.

Его жена, зевая, взглянула на часы: половина четвертого утра, темная стена леса по обочинам шоссе, тусклый свет фар едва пробивается сквозь плотную пелену тумана.

— И стоило только в такую безбожную рань подниматься, — она снова зевнула, наблюдая за мужем. Тот открыл капот и деятельно склонился над мотором. — Ну что, совсем встали?

— Нет, нет, сейчас, Шурочка. Я тут только кой-чего законтакчу... Не волнуйся.

Женщина, ежась и кутаясь в кофту, вышла, обогнула машину и засемила к кустам на обочине. Шаги ее глухо отдавались в тумане. Потом они стихли. Но вот зазвучали снова — тяжелые, торопливые.

— Там кто-то есть, — прошептала она. — Поехали отсюда.

— Сейчас, сейчас, — старик со слуховым аппаратом продолжал колдовать над мотором.

— Я тебе говорю: там кто-то есть. Был. Я видела. В лесу, в

ельнике... И там тошнотворно пахло... — Она с силой захлопнула дверцу «Волги».

Муж ее вернулся за руль.

— Вечно ты все выдумываешь. Креститься надо, знаешь ли, когда... — возразил он вяло. — Кто там может быть в такую рань? Для грибников не сезон — какие в мае грибы? А для деревенских...

— Какие деревенские, — женщина настороженно и испуганно вглядывалась в выступающую из тумана темную полосу леса. — Я же объясняю тебе: ТАМ КТО-ТО БЫЛ. И... и я испугалась... Поехали отсюда, ради бога, скорее, ну!

Старик завел мотор. «Волга» натужно тронулась с места. Жена его то и дело оглядывалась назад. Оглянулся и он. Что это? Ему померещилось, что какая-то тень мелькнула в тумане, пересекла шоссе и пропала, точно растворилась во мгле.

— Бомж, наверное, бродяга, — проворчал он. — Мало ли их сейчас шляется? С вокзалов кочуют, с помоек... Весна ж, всякая тварь шебуршится, потому что теплынь стоит и...

Его жена молча полезла в «бардачок». Старик увидел, как она торопливо сыплет себе на ладонь белые колесики нитроглицерина. Руки ее дрожали. Одна таблетка скатилась на сиденье.

С востока потянуло предутренним ветерком. Пелена тумана сдвинулась, открывая небо. Над лесом недвижно застыл белесый диск луны. Спросонья пискнула в чаще птаха. За ней следом еще одна, еще. Кто-то потревожил их сон. Потом настало мгновение абсолютной тишины. Потом ее нарушил странный звук — хлюпанье, всплески, словно какой-то зверь шумно утолял жажду на водопое. Звук доносился из глубокого оврага, заросшего по склонам молодой порослью осин, берез, рябин и боярышника, окутанных дымкой первой зелени. По глинистому дну оврага струился жиденький ручей — остатки талой воды. В яме, образовавшейся под корнями рухнувшей от старости трухлявой березы, вода скапливалась, образуя крохотное озерцо.

Возле ямы можно было смутно различить какую-то приземистую тень, припавшую к воде. Вот тень шевельнулась, на мгновение оказавшись в лучах лунного света, пробивающегося сквозь листву. Это был человек, обнаженный по пояс. Он наклонился и, набрав в грудь воздуха, окунул голову в воду. Затем начал отфыркиваться, кашлять. Брызги с него летели в разные стороны, когда он тряс головой, торопливо зачерпы-

вая пригоршнями талую воду, и плескал себе на грудь, на плечи, словно смывая с себя что-то.

Лунный свет заиграл бликами на воде, тронутой рябью. Когда рябь исчезла, стало заметно, что по воде все дальше и дальше расходуется черное маслянистое пятно.

Человек ополоснул в ручье руки, поднес ладони к лицу. Вода смыла все. На то она и вода. Но запах остался. Человек поднялся. Одним прыжком перемахнул через поваленную березу и неторопливо зашагал по дну оврага. Походка его была бесшумной и мягкой. Цепляясь за стволы и корни, выступающие из глины, он ловко вскарабкался по обрыву. Замер на секунду, прислушиваясь. Где-то далеко за лесом послышался паровозный гудок. Там была маленькая дачная станция. Человек отлично знал ее название. Утро вступало в свои права — к перрону прибывала первая утренняя электричка.

Человек вздохнул полной грудью. Никогда еще ему не было так хорошо. Ветерок донес запахи: аромат клейкой листвы, лопнувших на деревьях почек, влажной древесной коры, земли, молодой хвои, дыма, дальнего человеческого жилья и тот неистребимый аромат, что все еще оставался на его коже — на губах, груди, руках, — солоноватый, терпкий, его нельзя было спутать ни с чем другим. А так же еще один — не запах, а призрак запаха, доносившийся из чащи с той стороны леса, рассеченного пополам проселочной дорогой. Он шел оттуда, где всего полчаса назад останавливалась старая «Волга» с глохнувшим мотором. Это был липкий тошнотворный запах гниющей плоти. Плоти, некогда заботливо прикрытой дерном, сухими ветками и палой листвой. ТО был зов ПРОШЛОЙ ДОБЫЧИ.

Человек посмотрел на луну. Она походила на залепленный катарактой подслеповатый глаз. Возможно, луна следила за ним. Он согнулся и бесшумно скользнул в чащу: серая тень в предутренней мгле. Только тихо качнулись ветки елей. С них упали на землю дождевые капли.

БРОШЕННАЯ ПУШКА

Неожиданные происшествия имеют обыкновение обрушиваться нам на голову в самое неподходящее время. По закону подлости так случилось и на этот раз. Катя Петровская приехала в Раздольский отдел внутренних дел по самой банальной служебной надобности: сделать репортаж о завершившейся в этом районе Подмосковья профилактической операции «Меркурий», связанной с пресечением нарушений правил торговли на потребительском рынке. В качестве криминального обозревателя пресс-центра областного ГУВД Катя должна была регулярно освещать подобные операции на страницах «Вестника Подмосковья».

Дело было так: они сидели в кабинете начальника отдела милиции подполковника Спицына и мирно беседовали под включенный диктофон, как вдруг настоящим громом среди ясного неба грянул звонок из дежурной части и...

О том, что убит именно Игорь Сладких, Катя узнала только в машине. Услышав от дежурного рубленую лаконичную фразу «**заказное убийство**», она решила, что **уж на этот раз** во что бы то ни стало окажется на месте происшествия одной из первых, раньше следователя прокуратуры, раньше опергруппы из Главка, и узнает все из первых рук, даже если вежливый подполковник Спицын наотрез откажется взять ее туда с собой. Однако на ее осторожную просьбу начальник Раздольского ОВД отреагировал молниеносно и весьма оригинально:

— Вы, Екатерина Сергеевна, на машине?

— У нас «жигуль» пресс-службы, а за водителя наш оператор, — пылко заверила Катя.

— Тогда подбросьте нас с моим замом туда, — Спицын смущенно хмыкнул. — Ситуация с машинами у нас — швах, Екатерина Сергеевна. Все на ремонте. Дежурная уже с опергруппой туда уехала, разыскные без бензина, лимит, чтоб его черти взяли! Так что — услуга за услугу.

— О чем речь! Так кого же убили? — Катя снова украдкой включила диктофон в сумочке.

Услышав фамилию Сладких, она от удивления едва не присвистнула по-мальчишески. Игорь Сладких считался в Подмосковье фигурой скандально известной. Кем он только

не успел побывать за свои тридцать восемь лет! Кадровым офицером спецподразделения КГБ — в конце восьмидесятых, председателем правоохранительного фонда «Щит и Закон» — в начале девяностых, затем руководителем кооперативного объединения «Сельхозпродукт», затем владельцем сети винно-водочных торговых точек на территории Раздольского, Павлово-Посадского и многих других районов, затем крупным водочным фабрикантом, затем депутатом Госдумы от блока экономически независимых кандидатов, основателем и бессменным председателем республиканской партии свободного предпринимательства, насчитывающей в своих рядах двадцать кооптированных членов, затем...

На последних выборах в Госдуму партия и блок Сладких с треском провалились: среди претендентов оказались люди с темным криминальным прошлым, и, после того как все это просочилось в печать, разгорелся скандал. В результате и сам Сладких не прошел по одномандатному округу как независимый кандидат. Помимо всего вот уже четыре месяца налоговая полиция собирала на Сладких материалы о злостном уклонении от уплаты налогов, а областная прокуратура плотно интересовалась его персоной по другому, еще более серьезному поводу. Фамилия Сладких прямо фигурировала в уголовном деле, возбужденном по факту убийства в Раздольске двух активных членов Михайловской ОПГ. «Бичей» среди бела дня расстреляли возле своей машины из автомата.

Сладких не отрицал того, что присутствовал на месте убийства. По его словам, он и его охранник в той ситуации действовали строго в пределах необходимой обороны, когда группа «хулиганов», как было заявлено Сладких на допросе следователю, «покушалась на его честь и достоинство». По показаниям Сладких, убийство было на совести его охранника, который в момент конфликта с «хулиганами» завладел автоматом, находившимся в руках одного из них, и «случайно» произвел из него выстрелы. Вся сложность проверки, однако, подобных утверждений бывшего депутата заключалась в том, что на второй же день после героического сражения с «неизвестными хулиганами» молодец-охранник загадочным образом отдал концы: вроде бы нетрезвый переходил улицу, и его сшибла машина. Ее так и не нашли.

И вот теперь концы отдал и сам Игорь Сладких. Из скурых объяснений подполковника Спицына Катя поняла, что подмосковного водочного короля угрохали самым традицион-

ным способом: киллер дождался, когда его жертва появится из подъезда собственного дома. Сладких не успел дойти до своего джипа, его сразила пуля, меткая и беспощадная.

— Сейчас все на месте узнаем, — мрачно пообещал Спицын. — Соседи из дома напротив вроде слышали выстрел. Там панельная многоэтажка — шесть подъездов.

Труп Катя увидела сразу, едва они въехали во двор дома № 18 по проспекту Текстильщиков. В этой раздольской новостройке, по словам Спицына, Сладких три месяца назад купил три квартиры на одном этаже, сломал перегородки и затеял в просторных апартаментах евроремонт. Квартиры имелись у него и в Москве, и где-то за границей, как поговаривали. К тому же новый загородный дом-дача под медной крышей рос-возводился в живописнейшем уголке района в экологически чистой зоне на берегу Клязьмы. И вот все это благосостояние в одночасье лишилось своего хозяина и владельца.

Сладких лежал лицом вниз на асфальтовой дорожке в нескольких метрах от новенького джипа. На затылке справа в темном ежике остриженных по-модному волос Катя увидела багровые сгустки. Пуля поразила бывшего депутата в голову навывлет. Неизвестному киллеру потребовался всего один выстрел, обошлось без контрольного.

Вроде бы все было как обычно, как и на прежних осмотрах места происшествия, а Катя в силу своей профессии повидала их на своем веку, но... Она не задавала лишних вопросов, чувствовала: сейчас всем этим важным деловитым «профи» — следователю прокуратуры, судебному медику, Спицыну и его подчиненным не до нее. Не до пустых разговоров. Как и все, она ожидала самого главного: установят ли место, откуда стреляли? **ОБНАРУЖАТ ЛИ ОРУЖИЕ?** Пока она старалась держаться поближе к оператору — тот трудился как робот, уже предвкусывая, что кадры, отснятые в Раздольске, уже сегодня днем обойдут все телеканалы.

И вот в самый напряженный момент ожидания ее отвлекло прибытие на место происшествия двух новых действующих лиц.

Это были Никита Колосов и Ренат Халилов. Первый — начальник отдела по раскрытию убийств Главка (хотя он, как было известно Кате, всего неделю назад ушел в отпуск), а второй, Халилов...

Они встретились взглядами, и уже в следующую секунду

Катя почувствовала себя несколько дискомфортно: верзила Ренат, не скрывая своей радости, шагнул к ней, обнял за плечи и смачно чмокнул в щеку. Что-что, а обниматься и целоваться над бездыханным телом на глазах у перепуганных понятых и собирающихся во дворе дома зевак Кате казалось как-то уж чересчур. Обыватель скажет: вконец милиция оборзела — им уже и смерть нипочем.

Однако своей радости от встречи с Ренатом она скрыть не могла даже при таких удручающих обстоятельствах. И потом... чего нельзя человеку «при погонах», то доступно человеку... Увы, Ренат уже не принадлежал к кругу ее коллег. Шесть лет назад все было по-другому. Катя Петровская в то время работала следователем в Каменском отделе, а Халилов был там начальником ОУР. Но планиды небесные к нему явно не расположились.

Короче говоря, он сел. И по самой крутой статье — за умышленное убийство. Дело было на 9 Мая. Каменский розыск всю неделю работал по усиленному варианту. А после сдачи дежурства сыщики, как водится, отметили Праздник Победы в своем кругу. Возвращаясь домой, а жил он тогда в коммуналке в центре Каменска возле площади Героев Панфиловцев, Ренат увидел, как возле памятника павшим в боях за освобождение Подмосковья остановилась иномарка, из нее вывалились трое пьяных и... Как деликатно упоминалось впоследствии в материалах уголовного дела, эти граждане «совершали непристойные действия, грубо нарушая общественный порядок». Проще говоря, иномарчники, надувшись пивом, не дотерпели до дома и облегались прямо на газон, окружающий памятник. Халилов начал «пресекать» безобразие. Ну и пресек на свою же голову. Сначала оскорбления, потом драка, трое пьяных на одного... не совсем трезвого начальника розыска, затем... Затем прогремел выстрел. Ренат отлично владел табельным оружием — один из хулиганов получил пулю в грудь и скончался на месте. Остальные бежали, бросив иномарку. Суд посчитал все происшедшее умышленным убийством. Роковую роль в его решении сыграл тот факт, что у Рената оружие было, а у нападавших не было, и то, что он — сотрудник милиции, капитан, должностное лицо — оказался в момент инцидента «в состоянии алкогольного опьянения».

Ему дали семь лет лишения свободы, отбывал он срок в спецколонии для сотрудников правоохранительных органов,

где некогда побывал и Юрий Чурбанов. Через пять лет за примерное поведение его выпустили досрочно, и вот теперь...

Катя вспомнила, как они встречали Рената сразу после освобождения в Домодедовском аэропорту: туда приехали почти все каменцы. Все те, с кем она дружила до сих пор, кто на долгие годы стал для нее своими, тылом, «землей», с которой она и пришла в областной Главк. Им тогда и в голову не приходило, что их отношение к Халилову — человеку уже оттуда, из зоны, отбывшему срок и в одночасье потерявшему все: любимую работу, погоны, весь привычный уклад жизни, — может как-то измениться только потому, что он сел из-за каких-то подонков. Они встретили его тогда так, как встречают близкого человека после долгой разлуки. И по его взволнованному лицу Катя видела, что означает для Халилова подобная встреча.

С тех пор изгоем в привычной среде Ренат себя не чувствовал. В органы, увы, официальная дорожка стала для него заказанной, а неофициальная... В общем-то, было не трудно догадаться, кем он стал. Работал у Колосова на связи, выполнял поручения определенного рода в тех рамках, которые очерчивает для сотрудников-конфидентов «Закон об оперативно-разыскной деятельности». Катя изредка встречала его в Каменске и в других районах. Ренат все время был в каких-то разъездах. «Он опер до мозга костей, Катюша, — как-то сказал про него Кате один мудрый человек. — Разве опером человека форма делает? Это же стиль жизни. Судьба».

Последний раз, помнится, они виделись совсем уж в неожиданном месте — в каменской церкви на прошлую Пасху. Халилов — потомственный татарин — крестился в православную веру. Катя не знала, что это случилось сразу же после его «командировки» в Таджикистан. Там, в церкви, впервые рядом с Халиловым Катя увидела и Никиту Колосова.

Маленький серебряный крестик был на Ренате и сейчас, виднелся на могучей груди в разрезе полурасстегнутой по причине жаркого дня рубашки. Катя едва успела опомниться от горячего приветствия, как Халилов заметил (совершенно цинично, как ей в тот миг показалось):

— Хлопнули Игоряшу. Допрыгался живчик наш.

Она насторожилась: что это? Происшествие вроде бы и не явилось новостью для Рената. Не явилось неожиданностью это убийство (судя по его сосредоточенному, однако весьма уверенному виду) и для начальника «убойного» отдела.

Катя молча наблюдала за Колосовым. Тот всецело был поглощен разговорами со следователем прокуратуры и Спицыным. Потом к ним подбежали несколько оперативников, и вся группа быстро направилась в третий подъезд многоэтажки. Неужели что-то нашли? Катя хотела было шмыгнуть следом, но ее удержал поставленный в дверях подъезда патрульный.

Разъяснений ждали долго. Видимо, в доме шел осмотр. Когда Колосов наконец вернулся во двор, по его лицу Катя опять-таки догадалась: начальник отдела убийств увидел на месте, откуда стреляли в Сладких (а это могло быть установленное местонахождение киллера в момент, когда он брал на мушку бывшего депутата), нечто для себя весьма важное и существенное.

Кате он только молча и сухо кивнул. Но она не обиделась на него за невнимание. Вся обратилась в слух. Однако фраза, брошенная Колосовым Халилову, мало что объясняла.

— ОН, без сомнения, — сказал Колосов. Халилов кивнул. И они поспешили к машине так быстро, словно дальнейший осмотр трупа и места, допросы свидетелей, слышавших выстрел, их более не интересовали.

И тут Катя решила. Она чувствовала: эти двое знают гораздо больше, чем хотят показать, а потому...

— Ренатик, подожди, пожалуйста. — Она бегом догнала Халилова. Колосов уже сел за руль своей белой «семерки», и вид его был совершенно неприступен. — Ренат, там что... вы нашли оружие, да? Оружие бросили? А вы знаете, кто убийца? Знаете, ну скажи?

Халилов наклонился к ней.

— Он бросил пушку, — шепнул. — Он всегда сразу от них избавлялся, скотина. Но сегодня он так поступил зря, Катюша. Неосмотрительно поступил.

— Какую пушку, Ренат? Там его отпечатки, да? На винтовке? На автомате? На пистолете?

— В том-то все и дело, **какую пушку**, Катюша, — Халилов извиняюще улыбнулся — увы, мол, больше не скажу ничего, не могу, — однако он был добр, как все крупные и сильные мужчины, а поэтому решил утешить Катю, дав ей призрачный надежды на успех: — Будешь скоро писать статью о раскрытии этого непотребства. Помни: все дело **в марке оружия**. Бах-бах, и на этот раз будет мимо — дай нам только срок.

Когда «семерка» уже почти скрылась из виду, до Кати на-

конец-то дошло, что Ренат намекнул ей на главную улику в этом деле, по которой будет установлен (или уже установлен?) человек, всего два часа назад застреливший другого человека.

Глава 2

ПОБРАТИМ

Насчет того, что убийство Сладких будет раскрыто и не далее как (если повезет) в самые ближайшие сутки, Колосов был готов поспорить с любым скептиком на ящик пива. И дело заключалось совсем не в хвастливой самонадеянности и переоценке собственных способностей. Фокус был в том, что **на этот раз** он и вправду без дураков знал по этому делу ВСЕ, почти полный расклад: то, что убийство заказано михайловской группировкой, то, что бывшего депутата Госдумы застрелили из винтовки «кольт-спортер» с оптическим прицелом, то, что винтовка эта еще накануне вечером «ушла» по неустановленному каналу из подмосковного Пушкина. А самое главное — ему на этот раз было известно имя того, кто всего два часа назад держал эту самую импортную винтовочку в руках, обтянутых перчатками.

В Сладких стреляли через слуховое окно с чердака в третьем подъезде. Это оказалась самая выгодная позиция для снайпера: с чердака просматривался весь путь от подъезда до машины — девять метров асфальтовой дорожки, которую жертва должна была пройти от дверей подъезда до припаркованной машины. Тот, кто поджидал здесь Сладких, видимо, основательно ознакомился с его привычками. Сладких, хоть и заделался в последнее время свободным предпринимателем, собственный трудовой график соблюдал предельно жестко — большую часть дня безвылазно проводил в офисе, под который арендовал особняк в центре Раздольска, прежде принадлежавший горкому комсомола. И лишь в обеденный перерыв, с половины второго до половины третьего, Сладких позволял себе тратить время на личные дела.

Последнюю неделю он заезжал на проспект Текстильщиков, где производил инспектирование бригады, проводившей в его «апартаментах» ремонт. Сегодня, как установили сотрудники милиции из опроса рабочих, все было как обычно:

работяги закончили циклевку полов, и Сладких приехал лично принимать работу. Прибыл он без четверти час, двадцать минут находился в квартире, затем отправился обедать. Работяги слышали одиночный выстрел, раздавшийся спустя минут пять после его ухода. «Точно новогодняя хлопушка бухнула, — рассказывали они. — Мы, понятно, к окну, а шеф уже на асфальте ногами дрыгает. Агония у него жуткой была, в муках человек кончался».

Винтовку, из которой был сделан этот прицельный выстрел, сотрудники Раздольского ОВД нашли прямо на месте: на чердаке, аккуратно прислоненную к стене. То, что на самом оружии нет ничего, всем было ясно как день. Тем не менее винтовочку тщательно осмотрели, опылили, запаковали и отправили для дальнейших детальных исследований в экспертно-криминалистический отдел.

Кстати, осмотр чердака потребовал от опергруппы почти титанических усилий — туда было просто не войти, дух захватывало. А все от перца, который был заботливо рассыпан кем-то по всему полу, дабы навсегда отбить охоту у тех, кто будет тут искать следы и улики, применить служебно-разыскную собаку. Уловка для киллеров не новая и почти всегда бесполезная.

Когда Колосов вошел на чердак, ему почудилось, что в рот ему насыпали горячих углей, но он мужественно выдержал пытку, рассматривая «орудие преступления». Сомнений быть не могло: ЭТО ТА САМАЯ ВИНТОВОЧКА. И дело даже заключалось не совсем в ее марке «кольт-спортер». Главное, что ее отличало от других винтовок в мире, — глубокая, примерно двухсантиметровая, царапина — борозда на оптическом прицеле. Та самая особая примета, по которой эту пушку и охарактеризовал для опознания источник информации, сотрудничавший с Ренатом Халиловым.

В этом деле они с Халиловым шли, как говорится, «от пушки». Этот путь, часто весьма малоэффективный при раскрытии заказных убийств, на этот раз сулил серьезную удачу. И это всецело была заслуга Халилова. Работать с ним вообще было для Колосова **легко и приятно**. Бывший опер, отсидевший срок, обладал (причем с лихвой) тремя важными качествами: Ренат не был трусом, не был трепачом и не был дураком. И эти три «не» чрезвычайно импонировали Колосову.

Когда они ехали в Раздольск, после того как стало известно о гибели Сладких, Никита честно размышлял: не ошибся

ли он в своих расчетах? Возможно, все-таки у них с Халиловым был шанс предотвратить смерть этого человека?

Но в который уж раз, взвесив все, что ему было известно по этому делу, он приходил к однозначному выводу: нет, Игорю Сладких самой судьбой суждено было стать жертвой Гранта. Возможно, он стал его последней жертвой, самой последней мишенью. И вот именно за это сейчас и стоило побороться всерьез.

О том, что его отпуск прервался столь неожиданно и бесцеремонно, Колосов не успел даже пожалеть: не до того было. Все равно в отпуске делать ему было особенно нечего — ехать некуда, с деньгами, как всегда, напряг. На горизонте маячил только извечный опостылевший уже ремонт машины да изредка краткие посиделки с приятелями — на природе, на шашлычках. Поэтому, когда тринадцатого мая ему домой позвонил Халилов и попросил о немедленной встрече, Колосов весьма спокойно отреагировал на такой оборот дела. Что ж, Ренат никогда не беспокоит по пустякам, значит, игра стоит свеч.

Причиной встречи стала информация, полученная Халиловым от одного из своих собственных источников, о том, что михайловская братва «делает заказ на пушку». В такой информации на первый взгляд не заключалось ничего необычного. Никаких особенных секретов в том, что бандиты время от времени тайно пополняют свой арсенал, не было — на то они и бандиты. Фокус состоял в том, **на какую именно винтовочку** делался заказ: михайловцы отчего-то требовали достать им непременно «кольт-спортер». Это импортная и, по оценке многих, не слишком-то удобная пушка — всей и престижности, что громкая фирма, баснословная цена да неплохая оптика. Однако... Однако ценность информации источника заключалась в том, что из оружия аналогичной марки уже не раз открывали по людям весьма меткую стрельбу. Три «кольт-спортера», пижонски оставленных на местах происшествий, уже фигурировали в трех уголовных делах о заказных убийствах. И самое важное заключалось в том, что по всем этим делам уже имелся реальный подозреваемый, состоявший в федеральном розыске. И этим подозреваемым был не кто иной, как Всеволод Антипов, более знакомый всей братве, а также их заклятым недоброжелателям из серьезных организаций, включая МУР, ГУУР, областной УУР, РУОП и ФСБ, под весьма сентиментальной кличкой Капитан Грант.

То, что Антипов-Грант, в 1996 году освобожденный из мест заключения, где он отбыл пять лет за участие в разбойном нападении на пункт валютного обмена в Люблине, снова вступил на тропу войны, заделавшись платным «устранителем» тех, кто вольно или невольно давил на больные мозоли заинтересованным людям, сыщикам стало известно не сразу.

Честно говоря, вышли на Гранта только после третьего убийства, и то случайно. Как говорится, повезло. Его преступную биографию затем восстанавливали буквально по крупицам. После освобождения Грант на одном месте не сидел, зря времени не тратил, заколачивал бабки по всей стране. Первый его выстрел прогремел в Мурманске — осенью 96-го он «убрал» на заказ коммерческого директора одного из местных пароходств. Следующими его жертвами оказались уже москвичи: владелец сети круглосуточных супермаркетов и его телохран — их хладнокровно расстреляли, словно мишень в тире. А вот третьей жертвой оказался скромный инвалид второй группы некий Лодырев, проживавший в трехэтажном особняке с лифтом и подземным гаражом в подмосковном Одинцове. Этот имевший восемь судимостей старикан вот уже долгие годы был бессменным держателем общака южноколоменской группировки. Его заказали какие-то оголтелые «кавказы». И этот заказ привел коломенцев в бешеную ярость. На могиле убиенного инвалида братки поклялись не только посчитаться с заказчиками, но и дознаться о том, кто же нажимал в этом деле на курок, и устроить ему, негодяю, кровавую выволочку. До Гранта ушлые коломенцы в конце концов добрались по своим каналам. Но он в тот год, словно колобок, и от дедушки ушел, и от бабушки смылся. И тогда его просто-напросто сдали. Милиция в этом случае просто получила подарок от братвы: имя Гранта по инициативе мстительных коломенцев в один прекрасный день просто перестало держаться в тайне. О нем заговорили чуть ли не на всех углах. И сыщикам осталось только настроиться на нужную волну, «заглотить» информацию и принять ее к сведению.

Однако Антипов-Грант оказался орешком увертливым и крепким. И расколоть, а тем более переварить его оказалось не так просто. То, что он ушел в дальние бега, стало ясно почти сразу. Из предполагаемых мест его пребывания назывались самые различные: от Греции до Швеции, от Тенерифе до Майами. Деньги у него водились, да и сам он был еще молод,

легок на подъем и жаден до новизны. Словом, объявленный в федеральный розыск, Грант примерно на год пропал из поля зрения правоохранительных органов, однако работа по выявлению его связей и анализу его преступного поведения не прекращалась.

Так, в привычках Гранта была подмечена весьма существенная деталь: устранять свои жертвы он предпочитал исключительно из винтовок марки «кольт-спортер», всегда бросая их на месте убийства. О причинах, заставлявших Антипова использовать такую дорогую и весьма редкую на рынке отечественного оружейного подполья пушку, сыщики лишь гадали. Возможно, Грант набивал себе цену в глазах заказчика, заставляя его раскошелиться, — ведь все расходы по приобретению оружия для заказного убийства почти всегда несет «заинтересованная» сторона.

Или, возможно, это был некий способ самовыражения. Или же все было гораздо проще: не будучи снайпером-профессионалом, а лишь талантливым любителем, Грант целиком полагался не на свое мастерство, а на «фирменную» марку оружия: авось не подведет в решающий момент.

Информация, полученная Халиловым от своего источника, свидетельствовала о многом: видимо, у михайловской братвы появился заклятый враг, устранение которого, возможно, они поручали именно Антипову. То, что тот, оставив тропические пляжи, каким-то образом вновь просочился в пределы невзлюбившего его отечества, могло означать лишь одно: Грант поиздержался. А сумма, назначенная михайловцами за голову заказного, была, видимо, такой, что перед ней меркли и звериная осторожность киллера, и его прежнее нежелание оказаться в радиусе деятельности как милиции, так и своих мстителей-коломенцев.

Что греха таить: новости Халилова оказались для Колосова неожиданными. Всего ждал, но такого... Времени на размышление особо не оставалось: источник передал, что михайловцам будет продан один-единственный, «завалившийся по причине незначительного брака — царапины на оптике» экземпляр «спортера». Когда и где михайловцы передадут ствол Антипову, если в роли исполнителя подразумевался действительно он, источник, естественно, знать не мог. Не ведал он, увы, и еще одной важной детали: кого именно на этот раз планируют ликвидировать.

За считанные часы Колосов и Халилов перебрали все воз-

возможные варианты. То, что выстрел прогремит в ближайшие сутки (после получения оружия Грант — если это был он — не имел привычки оттягивать исполнение заказа, ибо с образом жизни и распорядком своих жертв имел обыкновение знакомиться еще до), и то, что прогремит он именно в Подмоскowie — не вызывало сомнения. Михайловцы блюли свои интересы именно в этом регионе. Но на кого именно они заимели зуб и в каком из сорока районов области намечается разборка, оставалось тайной.

Вопрос о том, возможно ли в принципе предотвратить это преступление, обдумывался Колосовым мучительно и обстоятельно. Он никогда бы не простил себе, что упустил возможный шанс. Единственный теоретически возможный путь «профилактики и предупреждения» заключался в том, чтобы вместе с ОМОном нагрянуть прямо ночью в Пушкино и прикрыть к чертовой бабушке всю оружейную лавочку. Но это отдавало грубым полицейским трюком. А результатом бы стал катастрофический провал тщательно законспирированного агента и потеря драгоценного канала информации. В деле же Гранта наступило бы лишь минутное затишье. Михайловцы переадресовали бы свой заказ в иную фирму, доставили бы ствол на день-два позже и... Конец был бы тем же самым.

Можно было действовать еще резче и суровее: взять на арапа самих михайловцев, дав понять, что их планы ни для кого не секрет. Но бандитов, а точнее, их лидера Михайлова по кличке Бриллиант Гоша надо было сначала сыскать. А на это ушло бы не меньше недели, а то и двух. К тому же с ними должен был состояться предметный разговор, а он не получился бы без упоминания конкретных имен. Увы, именно в имени будущей жертвы и заключалась вся загвоздка.

Колосов ненавидел поговорку: «кого заказали — тот жмурик», но, видимо, на этот раз эта сволочная присказка являлась чистой правдой. Оставалось лишь созерцать карту Подмоскovie да напряженно ждать, из какого же района поступит сообщение об очередном ЧП.

И вот сообщение пришло из Раздольска. Чем Сладких не потрафил михайловской мафии, догадаться было не сложно: видимо, Бриллиант Гоша запоздало решил поквитаться с ним за павших соратников по бандитизму. Странное дело, в глубине души Колосов испытал какое-то непонятное чувство, когда узнал, что застрелили именно этого типа. Облегчение,

что ли? Ибо Игоряша Сладких, и это тоже не являлось ни для кого секретом в области, считался самой отъявленной мразью. То, что он некогда служил в одном элитном подразделении и даже, по его хвастливым словам, «брал штурмом дворец Амина в Кабуле», было отнюдь не героической страницей в его биографии, ибо из подразделения его в скором времени вышибли за трусость и предательство служебных интересов.

Во время перестройки Сладких ударился в коммерцию и начал жадно копить деньги. Долго ли коротко копил, однако, когда пришло время «идти во власть», они ему очень дажегодились. Во время выборов в Госдуму, выдвигая свою кандидатуру в депутаты, он пообещал ни много ни мало «залить даровой водкой весь округ, если мужики выберут своего земляка». Его сначала выбрали, потом махнули на него рукой, а потом... Одно время в нем видели даже второго Скоропкина, но того вскоре убили. Игорь же Сладких продолжал жить и богатеть. Наглеть, стяжать непомерные средства, презирать всех и вся, кое-кому угрожать, кое на кого давить, кое перед кем вилять задом, кое у кого тайно скупать по дешевке, перепродавать, играть на бирже, разорять, делать деньги из денег, из водки, из разбавленного азербайджанского спирта, из денатурата и олифы, из других, уж совершенно негодных для внутреннего употребления вещей. Но вот и его не стало благодаря меткому выстрелу другого подонка Антипова-Гранта. Круг вроде бы сам собой замкнулся. Почти...

То, что на этот раз Грант не уйдет, и это дело, а также другие, совершенные им преступления, будут раскрыты, Колосов не сомневался и еще по одной причине. А именно: в следственном изоляторе вот уже третьи сутки сидел некто Антон Карпов, задержанный во время оперативно-профилактического мероприятия «Допинг» в одном из мытищинских наркоторононов. Карпова, больше известного в определенных кругах под кличкой Акула, взяли в состоянии полной невменяемости, когда он отрывался от души. Видимо, он переборщил с дозой, потому что поначалу для него пришлось вызвать даже «Скорую».

За плечами Акулы имелись уже три длительные «ходки» и все по одной и той же статье — бывшей 144-й — кражи, кражи, кражи. А в карманах его красного, изгаженного рвотой — результат передозировки — пиджака при обыске обнаружили три пакетика с героином: перед полной отключкой Акула имел обыкновение запасаться «лекарством» впрок.